

Стольный город в древнерусских и фольклорных источниках

Stol'nyi Gorod 'Capital City' in Old Russian and Folklore Sources

**Антон Михайлович
Введенский**

Петербургский институт иудаики

Anton M. Vvedenskiy

Petersburg Institute for Jewish Studies

Резюме

В статье предпринята попытка определить время появления в былинных текстах одной из самых распространенных эпических формул *стольный Киев-град* (и подобных с атрибутивом *стольный*). В связи с очень редким употреблением прилагательного *стольный* в памятниках древнерусской литературы XI–XVII вв. высказывается предположение о появлении формулы лишь в XVII в., возможно, в литературном произведении “Сказание о богатырях Киевских”. Появление формулы *стольный Киев-град* именно в XVII в. связано с присоединением Левобережной Украины и Киева к Московскому царству. Формула представляет собой апелляцию к политическим реалиям IX–XI вв. — к тому времени, когда Киев являлся главным городом русского государства. Употребление прилагательного *стольный* по отношению к Киеву в XVII в. призвано было подчеркнуть факт наследования Москвой политического лидерства от Киева.

Ключевые слова

фольклористика, былины, Древняя Русь, русский язык, столица, Киев, историческая семантика

Abstract

This article attempts to determine when one of the most popular epic formulas, *stol'nyi Kiev-grad* ‘Kiev the capital city’ and its variants with the attribute *stol'nyi*, emerged in the epic lyrics. The fact that the adjective *stol'nyi* was rarely used in

Old Russian literary monuments of the 11th–17th centuries suggests that the formula might have appeared only in the 17th century, in a literary work—*The Legend of the Kievan Knights*. It is suggested that this formula appeared in the 17th century due to the addition of Left-Bank Ukraine and Kiev to the Tsardom of Muscovy. The formula contains a reference to the political realities of the 9th–11th centuries, when Kiev was the major city of the Russian state. The attribution of the adjective *stol'nyi* to Kiev in the 17th century was intended to emphasize the fact that Moscow inherited its political leadership from Kiev.

Keywords

folkloristics, byliny, Old Rus', Russian, capital, Kiev, historical semantics

Задача нашей статьи состоит в изучении употребления в древнерусской письменности прилагательного *стольный* и сопоставлении его со словосочетаниями *стольный город / стольный град* (и производными от них формами) в русских былинных текстах. В историографии, как представляется, не было попыток оспорить время появления былинных формул с атрибутивом *стольный* (*стольный Киев-град*, князь Владимир *стольно-киевский* и подобных): их появление устойчиво связывается со временем домонгольской, киевской Руси, к примеру [Пропп 1999: 65].

Знаменитая формула *стольный Киев-град* и её вариации, как показало исследование Т. Г. Ивановой¹, в корпусе русских былин из всех формул с топонимами является наиболее частотной: “. . . ключевой формулой в языке былин является формула «стольный Киев / стольный Киев-град / стольный город Киев» [Иванова 2013: 78]. В былинах *стольный* относится к двум понятиям: к городу Киеву² и к князю Владимиру, который именуется в русском эпосе *стольно-киевским*³.

Весьма логично предположить, что такая формула появилась тогда, когда статус Киева ей полностью соответствовал, то есть в IX–XII вв. В 882 г. главным городом восточных славян становится Киев (по свидетельству летописи, князь Олег перенес столицу из Новгорода в Киев именно в этом году) [ПСРЛ, 1: 22–24]. Во второй же четверти XII в. Киев постепенно теряет свое столичное положение в связи с появлением независимых княжеств и возвышением Северо-Восточной Руси. Казалось бы, нет никаких препятствий для того, чтобы датировать появление данной былинной формулы временем между концом IX в. и

¹ Благодарю Т. Г. Иванову за возможность ознакомиться с работой до появления ее в печати.

² Только в двух первых томах “Свода русского фольклора”, в которых опубликована 281 былина, атрибутив *стольный* с Киевом встретился в них более 300 раз [СРФ, 2: 661].

³ В тех же двух первых томах “Свода русского фольклора” Владимир назван *стольно-киевским* 52 раза [СРФ, 2: 637].

первой половиной XII в., когда, по мнению большинства специалистов, и формировался киевский былинный цикл [Майков 1863; Миллер 1892; Пропп 1999]. Как известно, никаких записей былин от той “киевской” эпохи до нас, к сожалению, не дошло, и первые фиксации былинных текстов, записанных от исполнителей, относятся лишь к середине XVIII в. (Сборник Кирши Данилова). Правда, есть еще письменные записи былинных сюжетов XVII – первой половины XVIII в., но как они обрели свою письменную фиксацию – не всегда ясно [Былины 1960: 14].

Следует выяснить, насколько частотным было употребление прилагательного *стольный* с топонимом *Киевъ* или со словом *городъ / градъ*, обозначающим Киев, в аутентичных древнерусских источниках XI–XII вв. Частотность употребления формулы “стольный град Киев” и ей подобных в русских былинах заставляет предполагать, что определение *стольный* для главного города Киевской Руси должно было иметь широкое распространение в древнерусских источниках того же периода, особенно в летописях. Однако атрибутив *стольный* ни в каких летописях за период, когда Киев был главным городом Русской земли, по отношению к нему ни разу не употреблялся. Правда, он не употреблялся и по отношению к другим русским (и нерусским) городам. Также ни разу мы не встречаем в ранних летописных источниках словосочетание *стольный князь*, которое имеет высокую частотность в былинах.

В древнерусской литературе домонгольского периода нам удалось выявить всего три упоминания прилагательного *стольный* (все по отношению к Киеву) и одно свидетельство о *стольном* князе (также киевском). Все эти свидетельства читаются не в летописях, а в агиографических произведениях, написанных во второй половине XI в. и приписываемых Нестору: трижды в Житии Феодосия Печерского и один раз в Чтении о Борисе и Глебе.

1) Градъ есть отстоя отъ **Киева, града стольнааго**, 50 попрыщъ, именовъ Васильевъ. Въ томъ бѣста родителя святаго въ вѣрѣ кръстьянствѣй живуца и всячьскимъ благочѣстиемъ украшена [БЛДР, 1: 354];

2) ... бысть въ то врѣмя съмятение нѣкако отъ вселукавааго врага въ трѣхъ кнѣзяхъ, братии сущемъ по плѣти, якоже двѣма брань сътворити на единого старѣйшааго си брата, христолюбца, иже поистинѣ боголюбца Изяслава. То же тако тѣ прогнѣнъ **бысть отъ града стольнааго**, и онѣма, пришьдѣша въ градъ тѣ, посылаета же по блаженааго отъца нашего Феодосия... [БЛДР, 1: 420];

3) Отъць же нашъ Феодосий бѣ по вся дѣни и ноши моля Бога о христолюбци Изиславѣ, и еще же въ ектении веля того поминати, **яко стольному тому князю и старѣйшу вьсѣхъ**, сего же, якоже рече,

чрѣсъ законъ сѣдъшю на столѣ томъ, не веляше поминати въ своемъ монастыри [БЛДР, 1: 424];

4) Честное же тѣло его въземше, несоша въ градъ, наричаемыи Вышегородъ, еже **есть отъ Києва, града столнаго**, 15 стадии, и ту положиша блаженного Бориса [АБРАМОВИЧ 1916: 11].

До конца XIII в. в оригинальной древнерусской литературе мы не встретили больше ни одного случая употребления прилагательного *стольныи*. Оно образовано от существительного *стол* (в значении ‘престол, трон, место правления князя, царя’), которое в древнерусской литературе, особенно в летописях, встречается довольно часто. К примеру, в Повести временных лет оно фиксируется 20 раз.

Можно говорить о двух близких по значению словоупотреблениях в Повести временных лет. Во-первых, княжеский *стол* может рассматриваться как место правления великого князя в Киеве — главном городе древнерусского государства (16 употреблений). Во-вторых, *столом* может называться и место правления князя в городе, подчиненном Киеву (4 раза). К примеру, под 1100 г. читаем: “Послании же придоша къ Давыдови и рекоша ему: «се ти молвять братья, не хочемъ ти дати **стола володимерьскаго**»” [ПСРЛ, 1: 274]; под 1094 г.: “Володимеръ же створи миръ с Олгомъ, и иде из града **на столъ отень Переяславлю**” [там же: 226]. Также в значении подчиненных городов фигурируют Чернигов и Полоцк. Возможно, с хронологически первым случаем употребления лексемы *стол* в значении ‘центр независимого княжеского правления’ (не для Киева) мы имеем дело в летописном фрагменте, описывающем, как Мстислава Владимировича не приняли киевляне, и он ушел править в Чернигов: “. . . и не прияша его кыяне, он же шедъ, сѣде **на столѣ Черниговѣ**” [там же: 147].

Производное от *стола* в значении ‘место правления князя’ прилагательное *стольныи* встречается до конца XIII в., как мы отметили выше, лишь четыре раза, и ни разу в летописи, но все четыре раза — только по отношению к Киеву. Лишь в конце XIII в. в духовной грамоте Владимира Васильковича, которая читается в Галицко-Волынской летописи под 1287 г., встречается обозначение *стольныи*, относящееся к городу Владимиру Волынскому: “Даю землю свою всю и города по своемъ животѣ брату своему Мстиславу и **столныи** свои **городъ Володимиръ**” [ПСРЛ, 2: 215]. Под тем же годом в летописи сообщается о въезде Мстислава во Владимир и о чтении данной грамоты перед всеми людьми: “и повелѣ передо всими чести грамоту братну о даньи землѣ и всѣх городовъ и **столнаго города Володимѣря**” [там же: 216]. Следующий русский город, который назван в оригинальных произведениях *стольным*, — это Псков. Город Псков как *стольный* впервые был

упомянут в новгородском документе 1307 г., в так называемой грамоте с жалобой на Федора Михайловича и Бориса Константиновича: “Князь великий Андрѣи и вьсь Новгородъ дали Федору Михайловицю **городъ стольный Пльсковъ**” [Грамоты 1949: 18]. Это первое употребление интересующего нас прилагательного в значении не ‘главного города — столицы независимого княжества’, а просто в качестве ‘места, где сидит князь’, так как Псков не являлся независимым городом. В шести предыдущих употреблениях слова *стольный* у Нестора и в Галицко-Волынской летописи города (Киев и Владимир Волынский), безусловно, рассматривались авторами как независимые, столичные. Обозначение Пскова *стольным* как места с княжеским правлением, а не столицей сближает его со вторым значением отмеченного выше употребления существительного *стол*.

Важно отметить, что приведенные выше упоминания прилагательного *стольный* конца XIII – начала XIV вв. появляются в новом виде древнерусской письменности — в жанре грамоты. Грамота Владимира Васильковича считается первой дошедшей до нас княжеской духовной грамотой [Бахрушин 1909: 6], а грамота 1307 г. — одна из первых договорных грамот между Новгородом и великими князьями.

Итак, выявлено всего семь фиксаций интересующего нас прилагательного *стольный* в оригинальных древнерусских текстах до начала XIV в. Редкость употребления этого слова кажется весьма примечательным фактом. Конечно, можно предположить, что по отношению к князьям и княжеским городам (там, где были княжеские столы) не было принято употребление данного прилагательного в письменной форме, а в устной речи такая практика была широко распространена. Однако про устную традицию той эпохи мы практически ничего не знаем, да и в новгородских берестяных грамотах слово *стольный* не встречается ни разу. Такое объяснение в принципе возможно, но оно кажется странным и порождает ряд вопросов. Например, почему во время главенства Киева на Руси (IX–XI вв.) обозначение *стольный* практически не встречается в письменности, а в XII в. и вплоть до конца XIII в. не фиксируется вовсе, хотя оно должно было бы получить распространение в связи с увеличивающейся самостоятельностью древнерусских княжеств?

Высокая частотность употребления эпитета *стольный* с Киевом в былинных текстах соседствует с отсутствием данного эпитета для таких городов, как Владимир, Суздаль, Тверь, которые были столицами независимых княжеств или даже главными городами Руси. Такое положение дел сближает былинные тексты с ситуацией XII–XIII вв. в древнерусских письменных источниках. Некоторые исследователи утверждают, что для Новгорода эпитет *стольный* также не использовался

[Азбелев 1983: 112], хотя это не совсем так. Былина “Гость Терентьище” в сборнике Кирши Данилова начинается строкой “В стольном Новегороде” [Кирша Данилов 1878: 9]. Правда, больше ни одного примера употребления прилагательного *стольный* с Новгородом или с каким-нибудь другим городом в былинных текстах нам найти не удалось. Обращает на себя внимания тот факт, что для былин Киевского цикла эпитет *стольный* употребляется только в значении столицы — главного города, а для других городов не используется вовсе (единственное исключение указано выше).

Интересно посмотреть, каким образом ситуацию с употреблением прилагательного *стольный* отражают переводные памятники домонгольского времени. Возможно, в них мы увидим другую картину. В самых известных переводных хрониках (Георгия Амартола и Иоанна Малалы) слово *стольный* не встречается. А вот в двух исторических произведениях, широко распространенных на Руси (История Иудейской войны и Александрия), мы обнаруживаем его по три раза. Правда, *стольный* встречается лишь в Александрии Сербской редакции (предположительно XIV в.), а в Хронографической Александрии, переведенной на Руси не позже середины XIII в., интересующего нас слова нет. В Истории Иудейской войны обозначение *стольный* относится к трем городам: Сепфору, Иотопату и Гадару:

- 1) И на Галилѣю посла Гала воеводу, плѣку второму на десять. Его же с похвалою прия **градъ стльный** галилѣиский, нарекомый Сепфор [ИИВ 2004: 193–194];
- 2) И Плакида же, иже бысть посланъ на воевание галилѣиско, хотя славу взяти, и устремися на Иотопать, иже есть **стльный град** галилѣиский и твержий [ИИВ 2004: 211];
- 3) И прешедъ на Гадару, иже есть **стольный градъ** об ону страну Иордана [ИИВ 2004: 263].

В двух первых случаях в греческом тексте стоит прилагательное в превосходной степени *καρτερός* — ‘крепкий, великий’. В последнем случае читается *μητρόπολις* — ‘главный город, столица’. Лексема *μητρόπολις* встречается в тексте ИИВ еще десять раз, и на древнерусский язык во всех случаях она переводится как *митрополия*. В древнерусском языке слово *митрополия* имело несколько близких значений, главное из которых — ‘главный город области’, а также дополнительные: ‘сан митрополита’, ‘кафедральный собор’ [Срезневский, 3: 154–155]. В ИИВ в случае перевода калькированным словом речь идет о городах, связанных с церковной властью, чаще всего с Иерусалимом. В случае с Гадаром речь, по всей видимости, идет о светском, нецерковном правлении,

поэтому переводчик и передал греческое *μητρόπολις* славянским словом *стольный*.

Из Повести временных лет хорошо известна фраза Олега, прибывшего в Киев в 882 г.: “и рече Олег: се буди мати градомъ рускими” [ПСРЛ, 1: 23]. “Мать городов” — это калька с греческого *μητρόπολις*. Данное выражение встречается еще несколько раз в древнерусских источниках, причем только по отношению к Киеву [Назаренко 2009: 107], но в связке с лексемами *стольный* и *столичный* ни разу не употребляется.

Также в древнерусском сборнике афоризмов “Пчела” упоминается *стольный город* без отнесенности с каким-либо топонимом: “И тьсетъся кто вьнити въ **стольный град** богатствомъ свѣтятся, и силоу, и саномъ” [Семенов 1893: 404], — и соответствует греч. *εἰς πόλιν βασιλεύουσαν*.

Примечательно, что в переводной и оригинальной литературе такие столичные города, как Константинополь, Рим, Александрия, под именем *стольных* не упоминаются, а, к примеру, Константинополь в древнерусских переводных памятниках обозначается как *царский город*. Также следует отметить, что в переводной письменности прилагательное *стольный* ни разу не встретилось по отношению к князю или к какому-либо правителю, хотя все они связаны с тем или иным городом. Следовательно, до начала XIV в. в оригинальной и переводной литературе слово *стольный* как атрибутив к обозначению верховного правителя территории встречается всего лишь один раз — в “Чтении Бориса и Глеба” монаха Нестора.

Атрибутив *стольный* встречается еще два раза в литературных памятниках, которые можно было бы отнести к домонгольскому времени. В Слове Даниила Заточника — произведении начала XIII в. — читаем: “Аз же государь мой великий, *стольный*, мудрый Владимирь и милостивый и славный князь” [СлРЯ XI–XVII вв., 28: 89]. Но интересующее нас прилагательное встречается лишь в одном списке первой переделки второй редакции “Слова”. Список датируется XVII в., и серьезных оснований постулировать раннее происхождение прилагательного в тексте нет. В Тверской летописи под 1237 г. в воспоминании об итване на Калке встречаем: “и вси просто гради столнии смерти тоа вкусивше, вьскорѣ осиротѣша” [ПСРЛ, 15: 365]. Составление Тверской летописи исследователи относят к середине XVI в. [Лурье 1989: 61]. В источниках же данной летописи в сюжете о битве на реке Калке слово *стольный* не фигурирует.

Анализ употребления слова *стольный* как в переводной, так и в оригинальной литературе свидетельствует о том, что до начала XIV в. оно использовалось очень редко. Серьезных оснований считать, что в устном творчестве домонгольской поры слово *стольный* имело более

широкое распространение, нет. Можно предположить, что формула *стольный Киев-град* и ей подобные появились в былинах в более позднее время — но когда именно?

Рассмотрим, насколько частотен атрибутив *стольный* в оригинальных древнерусских памятниках второй половины XIV – XVI в. Частотность употребления прилагательного *стольным* в оригинальных памятниках древнерусской литературы этого времени несколько выше, нежели в предыдущий рассмотренный нами период. *Сольными* названы как русские, так и иностранные города.

В памятнике середины XV в. “Хождение на Флорентийский собор” как *стольным* обозначен венгерский город Будин [БЛДР, 6: 484]. Во 2-м Архивском списке Псковской третьей летописи под 1570 г. рассказывается о немцах, которые “собравшися из Заморья, **из стольных городов**” [Псковские, 2: 262]. В третьем послании Курбского Ивану Грозному современный латвийский город Цесис (у Курбского — Кесь) обозначен *стольным* [БЛДР, 11: 86].

Относительно русских городов ситуация в памятниках XV–XVI вв. весьма примечательна. Великий Новгород назван *стольным* лишь однажды в грамоте 1572 г., которая цитируется в Московском летописце середины XVII в. [ПСРЛ, 34: 228]. Сами же новгородские летописцы свой город *стольным* ни разу не называют.

Город Владимир впервые как *стольный* упоминается в одинаковых по содержанию статьях 1410 г. сразу четырех летописей XV в: Новгородской первой летописи младшего извода, Софийской первой летописи, Новгородской Карамзинской и Новгородской четвертой летописи: “Того же лѣта кн(я)зь Данилѣи Борисович Нижняго Новагорода отчиць старьи, взя **стольныи градъ Володимиръ**, попленивъ и пожьже” [НПЛ 1950: 402]. Данное свидетельство также читается и в более поздней Вологодско-Пермской летописи. В XVI в. Владимир назван *стольным* сразу в нескольких памятниках эпохи Ивана Грозного: единожды в Лицевом летописном своде, в Казанской истории и в Летописце начала царств по три раза. Город Владимир мог бы считаться *стольным* с конца XII – начала XIII в., так как именно в это время владимирский князь Всеволод Большое Гнездо закрепляет за собой и своими потомками титул великого князя Владимирского [Филюшкин 2006: 37], что говорит о претензии на статус главного города — столицы Руси. Но мы видим, что титулование какого-либо владимирского князя *великим* никак не связано с обозначением *стольным* самого этого князя и города, в котором он правит. После закрепления при Дмитрие Донском в конце XIV в. за московским княжеским домом великокняжеского ярлыка, выдаваемого ордынскими ханами, оборот *великий князь московский*

начинает совмещаться с титулом *великий князь владимирский*. И хотя главным городом на Руси с этого времени становится Москва, а не Владимир, впервые наименование *стольный* для Владимира мы находим только в XV в. Перед нами своего рода историческое запаздывание термина, обозначающего главный город, относительно его реального статуса. Причем если в тексте Казанской истории все три упоминания города Владимира с прилагательным *стольный* относятся к свидетельству о Батыевом нашествии (конец 1230-х гг.), то в Летописце начала царств они все связаны с эпохой Ивана Грозного.

Стольную Москву удастся обнаружить четырежды. Первый раз — в Новгородской первой летописи младшего извода (1440-е гг.), в окончании статьи 1380 г: после победы в Куликовской битве Дмитрий Донской “приихаль богомъ храним **въ столныи и великыи град Москву**” (НПЛ 1950: 377). Второй и третий раз — в Казанской истории (произведение середины XVI в.): “И возсия нынѣ **стольный и преславный град Москва**, яко вторый Киевъ, не усрамлю же ся и не буду виновень нареши того, — и третий новый великий Римъ, провозсиявший в послѣдняя лѣта, яко великое солнце в нашей Руской земли” [БЛДР, 10: 262]. Далее, в описании похода Ивана Грозного на Казань, читаем: “Выѣзжает же царь князь великий из великого своего **града столнаго славныя Москвы**, лѣта 7060-го месяца в 19 день в первую неделю Петрова поста” [БЛДР, 10: 406]. Четвертое упоминание стольного города Москвы содержится в договоре с Литвой 1570 г. в форме превосходной степени: “Писанъ в государя нашего государства **стольнѣишемъ градѣ Москвѣ** лѣта 7078, июля в 12 день” [Памятники, 3: 748].

В Казанской истории чаще всего из всех древнерусских памятников встречается прилагательное *стольный*. Кроме трех употреблений прилагательного *стольный* по отношению к Владимиру и двух к Москве, по одному разу оно относится к Смоленску, Радину (“югорскаго короля Владислава у столнаго града его у Радина”) и Сараю, а также шесть раз (!) — к Казани. Таким образом, количество словоупотреблений прилагательного *стольный* в тексте Казанской истории превышает все его предыдущие фиксации в оригинальных памятниках древнерусской литературы.

Как можно видеть, пик употребления прилагательного *стольный* приходится на эпоху Ивана Грозного, где *стольными городами* названы как сама Москва, так и другие города Руси. Но Москва, несмотря на ее столичный статус, в письменных источниках как *стольный* город фигурирует очень редко. В русских былинах Москва с эпитетом *стольный* вообще ни разу не упоминается. Следовательно, мы имеем весьма редкое употребление лексемы *стольный* по отношению к Москве в русской

литературе второй половины XIV – конца XVI в. и его полное отсутствие в текстах былин “московского” периода.

В русских памятниках XVII в. употребление прилагательного *стольный* в сочетании с названиями русских городов встречается редко, а вот с зарубежными городами фиксируется в картотеке Словаря русского языка XI–XVII вв. больше десяти раз⁴. С русскими городами ситуация иная; судя по данным картотеки, прилагательное *стольный* в отношении русских городов встретилося лишь трижды:

1) по отношению к Тобольску в сочинении Николая Спафария “Путешествие в Сибирь” (1675);

2) *стольный Бряхимов* встречается в “Скифской истории” (1692) Андрея Лызлова (попал сюда из Казанской истории);

3) Киев в отписке к царям гетмана Ивана Самойловича 1684 г.: “Докладываем здѣ явственно, что къ цѣлости прародителской вашей монаршеской державѣ Малой Росии и къ соблюдению войска Запорожскаго належить Киевъ, изъ старовѣчности, подлинно изъ своего начала есть столной Малороссийской городъ, есть гнездо христьянское Грекороссийскаго благочестия, изконно достойной жребии вашего царскаго пресвѣтлаго величества прародителнаго обладания, для старовѣчности своей и для премногихъ преподобныхъ отецъ Печерскихъ чудотворныхъ мощей” [Дополнения к Актам, 11: 16]. Отметим, что здесь Киев впервые в источниках после сочинений Нестора XI в. назван *стольным*.

В начале XVII в. также впервые в текстах фиксируется новый термин *столица* и дериват *столичный*. По данным картотеки словаря XI–XVII вв., в источниках существительное *столица* встретилося пять раз, и один раз – производное *столичный* в свидетельстве о принятии на “посолскомъ дворе” Николая Спафария в китайском “столичномъ городе Нежинѣ”.

Как уже упоминалось выше, от XVII–XVIII вв. до нас дошли тексты былин в письменной форме (подавляющее большинство этих текстов было издано в серии “Памятники русского фольклора” [Былины 1960]). В этом издании опубликовано 45 рукописных текстов о русских богатырях. Все рукописи датированы XVII–XVIII вв. Правда, рукописи XVII в. представлены лишь семью записями: это “Повесть о Сухане”, три записи “Сказания о богатырях Киевских”, “Сказание о трех богатырях” (Илья Муромец, Алеша Попович и Михайло Потык), былина о Ставре Годиновиче и былина об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче.

“Сказание о трех богатырях”, где главная роль отводится Михаилу Потыку, в рукописных памятниках XVII–XVIII вв. встретилося семь раз (только один раз в рукописи XVII в.). В текстах Сказания прилагательное *стольный* по отношению к Киеву фиксируется лишь однажды в списке

⁴ Выражаю благодарность Александру Грищенко за помощь в работе с картотекой.

второй половины XVIII в: “В stolном граде Кieve, у великаго князя Владимира Киевского” [Былины 1960: 165]. В пяти списках читается зачин “В славном граде Кieve . . .” [Былины 1960: 170, 175, 184, 188, 194], и еще в одном — “Бысть во граде Кieve . . .” [Былины 1960: 180].

В пяти записях “Сказания о богатырях Киевских” (три из которых находятся в рукописях XVII в.) во всех списках (кроме одного, в котором начало утрачено) читается зачин с прилагательным *stольный* [Былины 1960: 148, 152, 157, 160].

В записях о Ставре Годиновиче в обеих рукописях XVII–XVIII вв. отсутствует начало, так что неясно, находился ли там интересующий нас эпитет. В сохранившемся рукописном тексте (всего одном) об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче, к сожалению, тоже отсутствуют начальные строки.

“Повесть о Сухане” имеет только письменную традицию. Некоторые исследователи считают, что повесть восходит к не дошедшей до нас былине (что доказать весьма сложно). Для нас важно, что Киев как *stольный* в ней не фигурирует.

Итак, существует лишь три текста, о которых мы знаем, что они существовали уже в XVII в. в таком виде, с упоминанием прилагательного *stольный*.

“Сказание о трех богатырях”, имеющее соответствие в распространенной былине о Михайле Потыке, только в записи второй половины XVIII в. обнаруживает известный былинный зачин. Былина о Михайло Потыке встречается в сборнике Кирши Данилова и имеет начало “Во stolном городе, во Кieve” [Кирша Данилов 1878: 147]. Можно предположить, что и Сказание, и былина приобрели зачин с атрибутивом *stольный* лишь в XVIII в.

Что же касается “Сказания о богатырях Киевских”, то оно, как и “Повесть о Сухане”, не имеет устной традиции: “Сказание о семи богатырях представляет, по-видимому, сюжет, лишь похожий на былинку, но не живший в устной традиции, сюжет, сложенный каким-то автором, который использовал отдельные былинные эпизоды и мотивы, отчасти былинную фразеологию и ритм” [Былины 1960: 60–61].

Интересно, что прилагательное *stольный* встречается во всех списках “Сказания о богатырях Киевских”, имеющего только письменную фиксацию, а в “Сказании о трех богатырях”, сюжет которого имел устное хождение, интересующее нас прилагательное появляется лишь однажды, да и то в поздней записи.

В связи с такой особенностью употребления слова *stольный* в письменных сказаниях о русских богатырях, а именно с редким употреблением данного прилагательного на всем протяжении существования

древнерусской письменности, а также фактически единственным (наряду с отпиской гетмана 1684 г.) упоминанием *стольного Киева* с XII по XVII вв., которое обнаруживается в “Сказании о богатырях Киевских”, выскажем следующее предположение.

Возникновение устойчивой формулы *стольный Киев* в былинах “киевского” цикла — позднее явление, появившееся только в XVII в. Довольно сложно сказать, где изначально (в устной или письменной традиции) стала употребляться данная формула. Появление формулы *стольный Киев* следует связывать со временем близким к присоединению Киева к Московскому царству в результате заключения Андрусовского перемирия 1667 г. и Вечного мира 1686 г. с Речью Посполитой.

Как показывает исследование А. М. Ранчина, с конца XIV в. Киевская Русь начинает осознаваться московскими книжниками как “золотая эпоха” Руси [Ранчин 2007: 225]. К середине XVII в. интерес к Киеву как к древней столице русского государства не угасает. Это прослеживается в русских повестях XVII в., в текстах которых возникает идея параллели-противопоставления “Византия (Царьград) — Русь (Москва, Киев)” и даже тройной параллелизм (в “Казанской истории”) “Рим — Константинополь — Москва (= третий Рим)” и “Рим — Киев — Москва”. В это время и появляется литературное произведение “Сказание о богатырях Киевских”, в котором мотив преемства Руси от Константинополя реализуется в виде истории об успешной борьбе киевских богатырей с константинопольскими [Ранчин 2007: 231]. Вполне возможно, что именно в этом произведении и была впервые употреблена исследуемая нами формула, апеллирующая к древнерусским политическим реалиям, хотя мы сознаем, что убедительно доказать примат литературного текста в использовании формулы весьма затруднительно.

Следует отметить, что в употреблении прилагательного *стольный* в “Сказании о богатырях Киевских” можно наблюдать тот же эффект запаздывания термина *стольный*, отмеченный нами выше в литературных произведениях по отношению к городу Владимиру.

Как можно видеть, использование прилагательного *стольный* в отношении Киева после его присоединения в официальных документах появляется перед самым заключением Вечного мира в письме гетмана, который указывает на изначальный статус Киева, как столицы русского государства, что сближает употребления слова *стольный* в письме гетмана с его употреблением в “Сказании о богатырях Киевских”. К сожалению, нам удалось найти лишь одно упоминание *стольного Киева* в официальных документах XVII в.

Можно вполне допустить, что исследуемая нами формула была взята составителем “Сказания о богатырях Киевских” из устного

произведения — былины, но, как мы пытались показать, никаких оснований считать, что слово *стольный* широко употреблялось в устном и/или письменном дискурсе до XVII в., у нас нет. Если и предполагать, что формула *стольный город* появилась первоначально в фольклорном произведении, то ее появление следует относить к XVII в., но никак не раньше. При своем появлении в былинных текстах атрибутив *стольный* частично заменил другие эпитеты Киева, частично употреблялся вместе с ними, а основным среди них был атрибутив *славный*. Это хорошо видно при анализе зачина рукописных текстов “Сказания о трех богатырях”, в которых эпитет *славный* решительно преобладает над *стольный*. Впоследствии эпитет *стольный* стал наиболее употребим в былинах, о чем свидетельствуют записи XVIII в. и более позднего времени.

Библиография

АБРАМОВИЧ 1916

АБРАМОВИЧ Д. И., *Жития святых мучеников Бориса и Глеба*, Петроград, 1916.

АЗБЕЛЕВ 1983

АЗБЕЛЕВ С. Н., “Народный эпос и история”, *Русская литература*, 4, 1983, 104–117.

БАХРУШИН 1909

БАХРУШИНА Б. С., ред., *Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных*, Москва, 1909.

БЛДР, 1

Библиотека литературы Древней Руси, 1, С.-Петербург, 1997.

БЛДР, 6

Библиотека литературы Древней Руси, 6, С.-Петербург, 1999.

БЛДР, 10

Библиотека литературы Древней Руси, 10, С.-Петербург, 2000.

БЛДР, 11

Библиотека литературы Древней Руси, 11, С.-Петербург, 2001.

Былины 1960

АСТАХОВА А. М., МИТРОФАНОВА В. В., СКРИПИЛЬ М. О., подгот., *Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков*, Москва, Ленинград, 1960.

Грамоты 1949

Грамоты Великого Новгорода и Пскова, Москва, 1949.

Дополнения к Актам, 11

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией, 11, С.-Петербург, 1869.

ИВАНОВА 2013

ИВАНОВА Т. А., “Киев и Москва в севернорусских былинах (на материале записей в Архангельском крае)”, в: Д. Айдачич, упор., *Київ і слов'янські літератури: Збірник*, Київ, Београд, 2013, 79–91.

ИИВ 2004

МОЛДОВАН А. М., отв. ред., ПИЧХАДЗЕ А. А., МАКЕЕВА И. И., БАРАНКОВА Г. С., УТКИН А. А., подгот., “История иудейской войны” Иосифа Флавия: *Древнерусский перевод*, 1–2, Москва, 2004.

- КИРША Данилов 1878
Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, Москва, 1878.
- ЛУРЬЕ 1989
ЛУРЬЕ Я. С., “Летопись Тверская”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2/1, Ленинград, 1989, 61–63.
- МАЙКОВ 1863
МАЙКОВ Л. Н., *О былинах владимирского цикла*, С.-Петербург, 1863.
- МИЛЛЕР 1892
МИЛЛЕР В. Ф., *Экскурсы в область русского народного эпоса*, Москва, 1892.
- НАЗАРЕНКО 2009
НАЗАРЕНКО А. В., “Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения”, в: *Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год)*, Москва, 2009, 103–113.
- НПЛ 1950
Новгородская первая летопись старшего и младшего извода, Москва, Ленинград, 1950.
- ПАМЯТНИКИ, 3
Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, 3: 1560–1571 (= Сборник Императорского Русского исторического общества, 71), С.-Петербург, 1892.
- ПСКОВСКИЕ, 2
Псковские летописи, 2, Москва, 1955.
- ПРОПП 1999
ПРОПП В. Я., *Русский героический эпос*, Москва, 1999.
- ПСРЛ, 1
Полное собрание русских летописей, 1, Москва, 2001.
- ПСРЛ, 2
Полное собрание русских летописей, 2, С.-Петербург, 1845.
- ПСРЛ, 15
Полное собрание русских летописей, 15, С.-Петербург, 2000.
- ПСРЛ, 34
Полное собрание русских летописей, 34, Москва, 1974.
- РАНЧИН 2007
РАНЧИН А. М., “Киевская Русь в русской историософии XIV–XVII вв.”, в: Он же, *Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях*, Москва, 2007, 221–232.
- СЕМЕНОВ 1893
СЕМЕНОВ В., “Древняя русская «Пчела» по пергаменному списку”, в: *Сборник Отделения русского языка и словесности*, 54, С.-Петербург, 1893.
- СЛРЯ XI–XVII вв., 28
Словарь русского языка XI–XVII вв., 28, Москва, 2008.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, 3
СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 3, С.-Петербург, 1913.
- СРФ, 2
Свод русского фольклора, 2: Былины Печоры, С.-Петербург, Москва, 2001.
- ФИЛЮШКИН 2006
ФИЛЮШКИН И. И., *Титулы русских царей*, С.-Петербург, 2006.

References

Abramovich D. I., *Zhitia sviatykh muchenikov Borisa i Gleba*, Petrograd, 1916.

Azbelev S. N., "Narodnyi epos i istoriia," *Russkaia literatura*, 4, 1983, 104–117.

Astakhova A. M., Mitrofanova V. V., Skripil' M. O., eds., *Byliny v zapisiakh i pereskazakh XVII–XVIII vekov*, Moscow, Leningrad, 1960.

Ivanova T. A., "Kiev i Moskva v severnorusskikh bylinakh (na materiale zapisei v Arkhangel'skom krae)," in: D. Aidachich, ed., *Kyiv i slov'ians'ki literatura: Zbirnyk*, Kiev, Belgrade, 2013, 79–91.

Filiushkin I. I., *Tituly russkikh tsarei*, St. Petersburg, 2006.

Lur'e Ia. S., "Letopis' Tverskaia," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/1, Leningrad, 1989, 61–63.

Moldovan A. M., Pichkhadze A. A., Makeeva I. I., Barankova G. S., Utkin A. A., eds., "Istoriia iudeiskoi voiny" *Iosifa Flavii: Drevnerusskii perevod*, 1–2, Moscow, 2004.

Nazarenko A. V., "Byla li stolitsa v Drevnei Rusi? Nekotorye sravnitel'no-istoricheskie i terminologicheskie nabliudeniia," in: *Drevniaia Rus' i slaviane (Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2007 god)*, Moscow, 2009, 103–113.

Propp V. Ia., *Russkii geroicheskii epos*, Moscow, 1999.

Ranchin A. M., *Vertograd Zlatoslovnyi: Drevnerusskaia knizhnost' v interpretatsiakh, razborakh i kommentariiakh*, Moscow, 2007, 221–232.

Антон Михайлович Введенский

магистр культурной антропологии,

старший преподаватель исторического факультета

Петербургского института иудаики

190013, Санкт-Петербург, ул. Рузовская, д. 2

Russia/Россия

3103104@mail.ru